

(ПП: час Сюй, который длится с 7 до 9 вечера)

Уездный судья никак не ожидал, что Сюн Чжуаншань лично явится поблагодарить его, да ещё и предложит что-то странное под названием кан — он и слыхом о таком не слыхивал. Хотя знал, что семья Сюн — не простая: их зубное благовоние пользуется спросом даже в столице, — всё же уверенности не чувствовал. Отказать было неудобно, но и в главную спальню устанавливать новинку не решился, велел устроить кан в гостевой комнате.

Сюн Чжуаншань не стал уговаривать. Установил кан, оставил пару щёток и коробочку зубного благовония — и ушёл.

А когда уездный судья наконец растопил кан в гостевой и сам понял, в чём же его прелесть, — Сюн Чжуаншань с братьями был уже далеко. Он и локти кусал от досады, но тут же звать их обратно, чтобы теперь уже в своей спальне установить кан, было стыдно. Решил для начала пожить в гостевой пару дней, а там подберёт предлог — и снова пригласит.

Сюн Чжуаншань, выйдя из дома уездного судьи, зашёл в кузницу и заказал новый котёл — специально под печь в собственном доме. На это ушло пять лян серебра.

А тем временем слух о том, как в доме уездного судьи появился кан, разлетелся словно на крыльях: мол, один такой кан теплее десятка угольных жаровен! Скоро уже не только весь город Юйлинь, но и два соседних — все знали. Люди толпами хлынули в деревню Синьхуа, чтобы воочию взглянуть на чудо.

Но когда узнали, что одни только глиняные кирпичи для кана стоят пять лян серебра, больше половины тут же разбежались. Зато богатые семьи приходили в восторг и одна за другой стремились заказать первыми — дошло до того, что начали соревноваться, кто предложит больше.

— Старший брат Сюн, я даю шесть лян, ты мне сначала сделай! — крикнул один.

— Шесть лян? Не стыдно? Я даю семь! — парировал другой.

— Смешной ты! Семь... Я даю восемь!

— Десять!

— Двенадцать!

— Двадцать!

...

Богатые семьи и вправду не жалели серебра — им было важно как можно скорее заполучить себе кан. Все думали одинаково: простудиться — значит потратить кучу денег на лекарства. Гораздо разумнее зимовать в тепле и здоровье.

Однако какой бы ни был спрос, глиняный кирпич остаётся глиной — и никто не хотел прослыть дураком, заплатившим слишком дорого. В итоге, по цене в двадцать лян за один глиняный фундамент, братья Сюн первыми установили два кана в доме одного уважаемого клана по фамилии Мэн из города Юйлинь.

Кан стоил дорого, и семья Мэн тоже поставила его не всем — только старикам и главе семьи. До младших дело не дошло.

Как только работа у семьи Мэн завершилась, братьев тут же позвали несколько богатых семейств из соседнего уезда. Братья Сюн стали так заняты, что буквально не касались ногами земли — вставали затемно, возвращались домой уже глубокой ночью.

Но, несмотря на усталость, они нисколько не похудели — наоборот, даже располнели.

Всё потому, что зажиточные заказчики, не разбираясь в технологии укладки кана, опасались, что братья схалтурят. Сами понять ничего не могли, и чтобы точно не получить хуже, чем у других, относились к братьям с максимальным уважением — кормили деликатесами без перерыва, боялись, как бы те не ослабли от голода и не сделали кан хуже, чем у соседей.

Печи-кан из дома Сюн в одночасье стали настоящей сенсацией в округе города Юйлинь. Люди только о них и говорили — кто с восхищением, кто с завистью, но втайне каждый мечтал: а когда у нас дома тоже будет такой? Тогда и зима уже не страшна...

Слушая, как сельчане, может, и приукрашивая, рассказывают о чудо-печах, старшая невестка семьи Сюн буквально локти кусала от досады.

— Ты только подумай, — с пеной у рта рассказывали матери Чжао жители деревни Сяонань, — кто хотел, чтоб им Сюны раньше установили кан, аж до двадцати лян цену задрали! И это только за глину — за работу отдельно!

— А теперь твой зять — такая персона! Даже благородные господа из знатных семей с ним вежливы, с почтением разговаривают!

Говоря это, люди невзначай — но вполне намеренно — косились на старшую невестку.

— По мне, твой зять и вправду человек редкого уважения: сам по уши в работе, а всё равно твоей дочке позволяет у вас в доме помогать, не мешает...

Про то, как когда-то старшая невестка выкрала рецепт пирогов из дома Сюн, чтобы помочь родне, а потом вся семья Сюн вломилась к семье Чжао и устроила погром — знали все в деревне. И теперь, говоря такие слова, люди вовсе не хвалили — они высмеивали семью Чжао, напоминая о старом позоре.

Мать Чжао вскипела от злости, схватила метлу и с руганью выгнала всех вон. Вернувшись, вся как грозовая туча, глянула на дочь — ту, что раньше была любимицей — уже с полным сердцем обиды и упрёка.

— Я же говорила тебе — не выходи замуж за этого Сюна! Не послушала! А теперь вот результат: из-за какой-то мелочи вся деревня над нами смеётся, твой отец и братья головы поднять не могут!

Она кричала всё громче. А старшая невестка Сюн, уже привычная к таким сценам, просто молча опустила голову — и терпела.

Два младших брата громко фыркнули, демонстрируя полнейшее недовольство. А жена второго брата с презрением сказала:

— Мама, а давайте-ка старшая сестра пойдёт домой и уговорит своего мужа прийти и нам тоже кан установить. Всё ж своё — и глина, и работа — им ничего не стоит. Мы ведь не потому, что на его пироги загляделись. Просто не хотим перед деревней выглядеть жалкими.

Вторая невестка тоже не осталась в стороне:

— Вот-вот, как он нам кан за пять лян сделает, мы тут же скажем, что с теми сладостями всё было недоразумение — и дело с концом. Сельчане тогда рты позакрывают, а наш отец сможет снова ходить по деревне с поднятой головой.

— Старшая сестра, даже если тебе не жалко своих двух братьев, хоть пожалей мать с отцом. Тогда они ведь и правда были к тебе добры, а сейчас ты спокойно смотришь, как из-за тебя им стыдно голову поднять!

Старшая невестка семьи Сюн всё время молча делала работу по дому. Обе младших снохи давно уже не брались ни за что — всё было на ней одной. Руки у неё стали грубыми, в трещинах — совсем не такие, как раньше, когда она жила в доме мужа. А эти двое всё ещё считали её нахлебницей, что ест за чужой счёт.

Раньше она была весёлой, живой девушкой, а теперь всё чаще сидела с опущенной головой, по несколько дней не произносила ни слова.

Её молчание раздражало мать Чжао всё сильнее. В гневе та со всей силы стукнула метлой по земле прямо перед ней — край метлы задел обнажённую руку под закатанным рукавом, и

оставил на коже кровавую царапину.

Женщина едва слышно ахнула от боли, но мать Чжао этого даже не заметила, вся кипела от злости.

— Эй! — крикнула она. — А ты что думаешь по поводу слов своих невесток?!

Старшая невестка семьи Сюн опустила ресницы и прошептала так тихо, словно её голос был всего лишь отблеском души:

— Завтра... завтра я спрошу у него.

— Завтра?! — вскинулась мать Чжао. — Сейчас ещё не поздно, чего ждать? Ступай немедленно!

Вот так, ни с чем, без гроша за душой, она была выставлена за порог.

От деревни Сяонань до деревни Синьхуа путь занимал около двух часов. Когда она, усталая и промёрзшая, добралась до дома Сюн, небо уже начинало темнеть.

— Мама ... — с порога нерешительно позвала она, глядя в сторону свекрови.

Словно её и не было — мать Сюн и глазом не повела, продолжая молча возиться с делами.

Зато дети, игравшие во дворе, как только увидели, что вернулась мать, со всех ног бросились к ней, как два снаряда, и вцепились в неё.

— Мама, мама! Ну наконец-то! Мы так скучали!

— Ууу... я тоже скучала! Мама, не ходи больше к бабушке, хорошо? Ху-цзы сказал, если ты не вернёшься, значит ты нас больше не любишь!

Старшая невестка тоже тосковала по своим детям. Когда они прижались к ней и разрыдались, её сердце, словно вымоченное в лимонном соке, сжалось от боли. Мать и дети обнялись и долго не могли отпустить друг друга, плача навзрыд.

Мать Сюн скользнула по ним взглядом, и внутри у неё тоже шевельнулась слабая горечь. Но стоило ей вспомнить, как старшая невестка однажды предала семью, тайно передав рецепты в дом своей материнской семьи, — сердце снова окаменело.

А вот Сюн У-нян знала, что мать на самом деле хочет лишь преподать старшей невестке

жѣсткий, но полезный урок — чтобы та запомнила, осознала и больше не осмеливалась повторить ошибку. Разводиться с ней никто не собирался. Тем более у неё были двое детей от старшего брата, и тот по-настоящему её любил. Пока она жила у родителей, брат за едой часто сидел как в воду опущенный, рассеянный, будто потерянный.

— Старшая невестка вернулась! — весело воскликнула Сюн У-нян. — Проходи скорей, ты, наверное, продрогла по дороге! У матери в комнате новый кан — тепло как летом! Быстрее залезай, погрейся!

Ни единым словом она не упомянула ни об упрѣках, ни о ссорах, а просто с улыбкой повела невестку в тёплую внутреннюю комнату.

Днём женщины в доме занимались пошивом обуви, и отец Сюн уступил им тёплое место на кане, сам присел в сторонке. Старшая невестка села на край кана — и едва не подпрыгнула: под ней было горячо! Она даже немного испугалась.

Вот, значит, почему все в деревне нахваливают кан, а зажиточные семьи готовы платить за него любые деньги. С такой штукой и зима уже не страшна.

— А вы что, обувь делаете? — с любопытством спросила она, заметив на столике материалы для пошива, а ещё какой-то горшочек с белой массой, похожей на тесто или клей. Она не знала, зачем это, и осторожно уточнила.

В этот момент в комнату вошла свекровь — и её лицо мгновенно потемнело.

— У-нян! — резко окликнула она младшую дочь. — Ты зачем притащила её сюда?! Хочешь, чтобы она сперла рецепт эрлан-фулана и унесла в свою родню?!

А потом уже мрачно обратилась к старшей невестке:

— Немедленно иди к себе! С этого момента тебе запрещено совать нос в любые дела, что приносят в дом доход. Твоя обязанность — вести хозяйство, и только.

Старшая невестка не осмелилась перечить — поспешно сползла с кана и ушла к себе.

За последние дни, пережив всё, что на неё свалилось в родительском доме, она наконец поняла, насколько ошибалась. Если свекровь и семья Сюн готовы принять её обратно — она вынесет любое отношение, только бы остаться.

Когда на дворе совсем стемнело, домой наконец вернулись Сюн Тэ и Сюн Чжу — уставшие до предела. Даже при том, что оба были измотаны, денег на повозку всё равно пожалели — сэкономили лишние два вэня.

— Жена, ты вернулась! — Сюн Тэ, как только увидел жену, тут же будто переродился.

Вся усталость слетела, он и ужин отложил в сторону, тут же обнял жену и повёл её в их комнату — шептаться по душам.

Сюн Тэ всё это время не переставал думать о жене. Просто... в той истории она ведь действительно была неправа, и ему самому было неудобно заговорить первым. А теперь, когда она вернулась сама, он крепко взял её за руку — и сердце его было полно невыраженных слов.

Случайно задев её руку, он почувствовал, как она резко втянула воздух сквозь зубы. Сюн Тэ тут же закатал ей рукав — и увидел на коже уже затянувшуюся, но всё ещё жгучую кровавую царапину. Он замер, не зная, что делать с нахлынувшей болью за неё.

У старшей невестки Сюн в тот же миг хлынули слёзы. И вдруг то самое чувство — давнее, юное, настоящее, с которым она когда-то влюбилась в Сюн Тэ — снова вспыхнуло в груди.

Да, он был молчаливым, простым, не умел говорить красивых слов, но он всегда носил её в сердце. Именно этим он когда-то и покорил её.

После свадьбы, столкнувшись с бедностью семьи Сюн и сравнительным достатком в доме родителей, под натиском постоянных жалоб матери и братьев на «непутёвого зятя», её сердце день ото дня становилось всё более туманным. Со временем она забыла, что и почему когда-то почувствовала, забыла, за что полюбила.

— Не плачь... — растерянно сказал Сюн Тэ, неловко вытирая ей слёзы. — Жена, не надо... Сейчас у нас в доме всё наладилось. Я хожу по домам, устанавливаю каны, руки уже наловчились — за день три печи делаю. Это девяносто вэнь... Если захочешь мяса — скажу матери. Тебе больше не надо никуда уезжать.

Скрытые всхлипы вырвались наружу, превратившись в громкий, неуправляемый плач.

— Муж, я не вернусь! Не вернусь! — рыдала она. — Я останусь здесь. Буду хорошо заботиться о тебе и детях... буду. Всегда.

Тан Шоу сидел на тёплом кане, раскидав по поверхности горкой мелкие серебряные монетки — всё, что он заработал за последние дни. Он и сам не знал, сколько там на самом деле, но просто смотреть на блестящее серебро — уже радость. Раз уж серебро у него теперь есть, значит и золото не за горами!

Он был в самом разгаре своего умиления, как вдруг в поле зрения влезла чья-то мощная рука — и серебро, монетка за монеткой, стало исчезать, перекочёвывая в старую деревянную

шкатулку.

Тан Шоу недовольно надул губы и вытаращил глаза, пытаясь выглядеть грозно:

— Ты не мог бы оставить мне хоть одну? Это вообще-то я сам всё заработал!

— Вот как только родишь мне ребёнка — хоть девочку, хоть мальчика, хоть шуанъэра — я отдам тебе всё серебро, что есть в нашем доме. А пока — нет, — сказал Сюн Чжуаншань, не отрывая от него взгляда.

Глаза у него обычно были мрачные, как у хищника. А сегодня... Тан Шоу почему-то почувствовал, что в них сквозит что-то не то, что-то тревожное — аж волосы на затылке встали дыбом.

И точно — Сюн Чжуаншань добавил:

— И не забывай... ты мой. Значит, всё, что ты заработал — тоже моё.

Тан Шоу надулся ещё больше:

— Маленькое белое личико*! Ешь мягкий рис*!

— У меня лицо не белое — я не «маленькое белое личико», — серьёзно возразил Сюн Чжуаншань. — Но вот попробовать мягкий рис фулана — с удовольствием.

Тан Шоу: «...»

(ПП: Маленькое белое личико - привлекательный молодой человек, жиголо. **Есть мягкий рис - сидеть на шее у жены, жить на содержании у женщин)

Наверное, это Сюн Чжуаншань встал не с той ноги... — мрачно подумал Тан Шоу. — Где же его злое, жестокое лицо, а? В такие моменты он же должен бросать мне в лицо горсть серебра и приказывать катиться к чертям...

Нет, подождите, не так. "Катиться" — это он не позволит. Он же меня прижмёт и будет катиться вместе со мной...

Стоило представить, как он прижимает его к себе в этот момент, как у Тан Шоу невольно заняло пониже спины.

Ладно... пусть уж лучше будет такой образ, чем снова боль в заднице.

И он искренне начал молиться небесам: Пусть он лучше так и остаётся таким. А если его прежний образ с вечной похотью и прыжками в постель решит вернуться — пусть сам и катится туда!

В этот момент к нему подошла бабушка Чжан, ведя за руку своего маленького внука. В глазах — старание, в голосе — заискивание.

— Сюн-фулан, я правильно всё отбила? Подошва крепкая?

Тан Шоу наклонился, проверил новую пару подошв и кивнул:

— Всё в порядке.

Бабушка Чжан расплылась в беззубой улыбке. А её внук вовсе не стал сдерживать эмоций — радостно подпрыгнул на месте.

— Спасибо, Сюн-фулан!

Женщина, несмотря на свои годы, уже готовилась поклониться — Тан Шоу едва успел отскочить в сторону.

— Бабушка Чжан, не надо! Не стоит, правда! Мне ж неловко...

— Как же "не стоит"? Надо, милоч, надо. Да если бы не вы с Сюн-эрланом, мы бы с внуком этой зимой и не знали, как выжить. А теперь вот немного заработали — пару дней подкопим, и сможем купить зерна. Не умрём с голоду.

Глаза её наполнились слезами. Она вытерла их краешком одежды и добавила:

— И семье Чжэн тоже спасибо. Если бы они нас с Пан-Паном не пожалели, не разрешили мне в их доме отбивать подошвы, я бы и работу эту не взяла, и денег не получила.

Чжэн-далан поспешно замахал руками:

— Да что вы, не стоит благодарностей. Мы и сами подошвы для обуви отбиваем — дрова жечь всё равно приходится. Если уж на то пошло, всем нам благодарить надо Сюн-фулана. Без него этой зимой всей деревне пришлось бы туго.

Тан Шоу лишь тихо улыбнулся, не стал продолжать разговор, а просто повернулся к шкафчику и достал оттуда ореховое печенье, который протянул маленькому Чжан Пану.

Это печенье он готовил специально — Сюн Чжуаншань был человеком с большим аппетитом и часто успевал проголодаться задолго до обеда. Вот Тан Шоу и начал время от времени готовить сытные лакомства — чтобы в доме всегда было что перекусить между делом.

<http://bllate.org/book/13592/1205369>